

ПОЭЗИЯ АНАТОЛИЯ АВРУТИНА В ОСМЫСЛЕНИИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Одним из наиболее известных и талантливых русскоязычных поэтов Беларуси является Анатолий Юрьевич Аврутин (род. 3 июля 1948 г.), член Союза писателей Беларуси с 1993 года, член-корреспондент российской Академии поэзии (Москва) и Петровской Академии наук и искусств (Санкт-Петербург). Произведения Анатолия Аврутина, лауреата различных литературных премий (он является одним из победителей Третьего Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2006», лауреатом международной литературной премии им. Симеона Полоцкого, российских литературных премий им. Антона Чехова, им. Николая Минского, «Русь единая», украинской премии им. «Молодой Гвардии», премии санкт-петербургского журнала «Аврора» за 2007 г. в жанре поэзии), с 2006/2007 учебного года включены в программу белорусских средних школ. Проанализируем и тезисно обобщим критические суждения о поэтическом творчестве А. Аврутина, высказанные виднейшими мастерами слова из России и Беларуси.

1. Большинство исследователей определяет индивидуальный стиль А. Аврутина как «классический», выдержанный в лучших традициях золотого и серебряного века русской литературы. А.А. Мартинович замечает: «А. Аврутин ... неизменно остается тем традиционалистом, поэзия которого подпадает под определение классическая» [1, с. 167]. По мнению А.Н. Андреева, «... тяготение Аврутина к словесным формулам, скрытый, подспудный аналитизм, порождающий некрикливое и непафосное философское изумление... – все это обновление традиций русской поэзии «золотого века»» [1, с. 31]. В.В. Ефимовская образно подытоживает: «При всей своей классической традиционности стилистика поэзии А. Аврутина, использующая антитезы, мне кажется современной, оригинальной, сопоставимой с кодовым компьютерным языком, имеющим в своем распоряжении лишь два символа – 0 и 1, посредством которых создается полновзвучная и многоцветная виртуальная реальность» [1, с. 115]. А.М. Чекменев подчеркивает неслиянность аврутинского пути с другими: «Не вмещаясь ни в одно из литературных направлений, в стихах Аврутина вполне естественно соединяются разные поэтические традиции» [1, с. 126]; Ю.М. Сапожков, с одной стороны, говорит о том, что «Анатолий Аврутин сравнений не боится. Он совершенно не похож на других, у него исключительно свое стило» [1, с. 58], с другой – отмечает в стихотворениях поэта «"серебряную" интонацию, в которой мы узнаем Блока, Гумилева, Мандельштама, Пастернака, Ахматову» [1, с. 62]. Н. Переяслов подтверждает: «Аврутин – не из тех поэтов, которые не пом-

нят своего поэтического родства, отнекиваясь от всякой, даже видимой невооруженным взглядом, связи со своими литературными предтечами; он не только не чурается тех, кому обязан своим творческим становлением, но еще и сам подсказывает читателю их имена» [2, с. 117].

2. Характерной чертой аврутинского идиостиля признается двойственность, проявляющая себя и на уровне смысла и в авторском подборе сочетаний слов. А.Н. Андреев раскрывает это явление через синонимичные понятия: «"Двоякость", амбивалентность (в буквальном смысле – двоякая суть, маргинальность, диалектичность – это и есть сокровенный аврутинский угол зрения на мир» [1, с. 22]; «Почти в каждом стихотворении так или иначе пробивается поэтическая установка обнаруживать такие свойства "вещей", как двойственность, неоднозначность, предрасположенность к немыслимым трансформациям» [1, с. 24]. Н.М. Коняев пишет: «Угадываемый смысл двоятся в стихах Аврутина, размывается, неразличимыми становятся сущность и ее отображение, сущность и ее отрицание» [1, с. 155]. В.П. Поликанина дает однозначную оценку: «Прочитав его книги, могу сказать: Анатолий Аврутин – поэт контрастов. Контрастов нашей жизни: добра – и зла, солнца – и тьмы, любви – и предательства» [1, с. 44-45]. Ю.М. Сапожков словно восклицает: «Да, конечно, ощущение "божественной двоякости" мира (выражение Аврутина), его на глазах меняющейся полярности, его два в одном и одно в двух... – все это присуще поэту-диалектику» [1, с. 65]. В.В. Гниломедов связывает данную особенность с авторским психологизмом: «Поэзия А. Аврутина проявляет склонность глубже проникнуть в психологический "микромир" человека, в его "тайное тайных" . С этой целью он погружается в самого себя, хочет разобраться прежде всего в собственной душе, раскрыть свое "я" в неожиданности составляющих его противоречий» [1, с. 90].

3. В.В. Гниломедов выявляет индуктивный (от частного – к общему) творческий метод А. Аврутина, отмечая значимость детали в поэтическом контексте: «... автор собирает стихотворение из малозначащих, казалось бы, деталей, почти из бытового сора, конкретики, "осколков", а получается нечто органическое, не придуманное, цельное, уплотненное. И в этом прелесть его стиха!» [1, с. 85]; «Для А. Аврутина реализм изначально не был прямой презентацией действительности, он искал характерные подробности, частности, детали, неровности и синтезировал их в целостную, впечатляющую картину» [1, с. 96]. Исследователь прослеживает некоторые изменения в творческой манере поэта. Если в первых сборниках преобладают «искренность, открытость, исповедальность, непосредственность чувств» [1, с. 86], то в произведениях первой половины 90-х годов «возрос коэффициент обобщения, энергетика стиха. <...> Его поэзия вбирает в себя целые пласты культуры, человеческого опыта, опыт истории, ощущение природы, включает фило-

софское осмысление вечных тем. Экспрессия и страсть свойственны ему, как и раньше, но вместе с тем проявляется и нечто новое: мысль и чувство становятся философичнее» [1, с. 95-96].

4. Лирический герой многих произведений А. Аврутина находится в экзистенциальном кризисе, испытывает чувство психологического дискомфорта. В.В. Ефимовская пишет: «В потоке бытия как такового поэт чувствует безысходность, тщетность, необязательность человеческого существования. "В кривых зеркалах бытия все лживо, от первого слога", – убежден поэт. В его понимании истинное бытие – это то, что невозможно постичь до конца и преодолеть» [1, с. 109]. «Одиночество, бездомность – условия существования юродивого – сознательно приняты лирическим героем А. Аврутина, так как дают определенные права, главное из которых – право обличать "горделивый и суетный мир", право осмеяния порока и зла, которых так много в нашем современном мире, которые рядятся под добродетель» [1, с. 111]. А.Н. Андреев выражает похожую мысль с помощью метафоры: «Поэт не только не исправляет противоречия ... он их культивирует ... вышивает бисером противоречий по холстине жизни» [1, с. 23]. Ю.М. Сапожков замечает: «Чувством ухода, "бесприютства", тщетности бытия и в то же время благодарности за него наполнены многие и многие стихи Аврутина...» [1, с. 76].

5. Оценки качества стихов А. Аврутина (их принадлежности к истинной поэзии) среди исследователей также сходны. Так, А.Н. Андреев уверен в том, что у А. Аврутина «нет слабых стихов» и что поэт уже давно соревнуется сам с собой: «у него есть шедевры, которые становятся точкой отсчета (и, соответственно, кошмаром поэта)» и есть то, что можно назвать «всего лишь мастерски написанным» [1, с. 27]; более резко вторит ему И.И. Сабилло: «Разумеется, в творчестве Анатолия Аврутина есть и промахи, и спорные строчки – у кого их нет? Но в целом мы встречаемся с явлением подлинной поэзии, которая способна пробуждать, удивлять читателя и быть школой для поэтов, чье творчество еще только на пути к совершенству» [1, с. 14].

Закончим краткий перечень отличительных признаков аврутинской поэзии словами Л.В. Куклина: «Анатолий Аврутин – Мастер сложившийся, самобытный, зрелый, владеющий русским Словом ... один из лучших на сегодняшний день русских поэтов» [1, с. 186].

Литература:

1. Анатолий Аврутин: судьба и творчество / сост. А.Н. Андреев, Л.Ф. Анцух. – Минск: Четыре четверти, 2008. – 192 с., [8] л. цв. ил.
2. *Переяслов, Н.* Размышления над книгой поэзии Анатолия Аврутина «Август в декабре» / Н. Персяслов // *Беларуская думка*. – Лістапад, 2009. – С. 114-117.